

E.Y. Kalinina

CREATION OF A FUNDAMENTAL LAW-AWARENESS MYTH THROUGH ARCHETYPIFICATION OF A REAL HISTORICAL CHARACTER (FRANCISCO DE QUEVEDO AS AN EXAMPLE)

Elena Kalinina – a Senior Lecturer at the Department of Theory of Law and Civic-Legal Education, the Herzen State Pedagogical University of Russia, PhD in Law, an Associate Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: bellaflor@mail.ru.**

Interdisciplinary legal research provides a better understanding of complex processes of creating different types of law awareness and statehood. The objective of the article is to examine processes of formation of identification basic myth of law awareness one of irrational structural components whereof is an archetype. As an example the author examines a real historical person - Francisco de Quevedo, who became an archetype in the process of the development of Spanish law awareness.

Keywords: law awareness, political and legal mythology, archetype, national consciousness, Spain, Francisco de Quevedo.

Е.Ю. Калинина

КОНСТРУИРОВАНИЕ БАЗИСНОГО МИФА ПРАВОСОЗНАНИЯ НА ОСНОВЕ АРХЕТИПИЗАЦИИ РЕАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА (НА ПРИМЕРЕ ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО)

Елена Юрьевна Калинина – доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: bellaflor@mail.ru.**

Междисциплинарные исследования в области права позволяют глубже познать сложные процессы формирования того или иного типа правосознания и государственности. Целью данной статьи является рассмотрение процесса формирования идентификационного базисного мифа правосознания, одним из иррациональных структурных компонентов которого являются архетипы. В качестве примера рассматривается образ реального исторического персонажа – Франсиско де Кеведо, который в процессе становления испанского правосознания превращается в архетип.

Ключевые слова: правосознание; политико-правовая мифология; архетип; национальное сознание; Испания; Франсиско де Кеведо.

Введение и методология исследования. Правосознание как значимая часть сознания, отражающая и воспроизводящая государственно-правовые и частично моральные принципы социального устройства, базируется на рациональных и иррациональных основах [4. С. 39]. Необ-

ходимым элементом национального правосознания является базисный миф, который отражает отношение к государству и праву, наличие фундаментальных правовых ценностей, сформированность или несформированность таких понятий, как долг, уважение к праву, лояльность госу-

дарству, положительная идентификация с государством, правовой культурой, обществом. Названные государственно-правовые ценности развитой правовой культуры, вытекающие из базисного мифа, укоренены в идеализации «абсолютного прошлого» [1. С. 43] и формируют образ будущего. Миф проявляется в различных мотивах, в том числе, фольклорных: пословицах и поговорках, легендах, анекдотах и т.п. Те или иные национальные персонажи отражают определённые стороны сознания и правосознания через отношение к добру и злу, справедливости и насилию, социальному равенству, рамкам возможного и должного поведения. Соответственно, можно выделить архетипичного героя и антигероя, зону добра и зла, на основании которых проводится идентификация и социализация в конкретной правовой культуре и «заключается в принятии или отторжении основных элементов ментальности» [6. С. 30]. Целью данного исследования является анализ процесса конструирования базисного мифа правосознания на основе архетипизации конкретного исторического персонажа. Для этого помимо собственно историко-правовых методов (сравнительно-правового, исторического анализа, юридической гносеологии) мы привлекаем смежные, например, антропологический и герменевтический, а также метод историко-психологического анализа.

Механизм трансформации образа исторического лица в компонент национальной правовой мифологии. Когда некое историческое лицо по каким-то причинам оказывается настолько значимым, что его образ остаётся в коллективном сознании, то возможны, как минимум, три способа последующей его интерпретации. Заметим, что ни в одном из указанных случаев мы не сталкиваемся с объективным отражением: в каждом случае возможна только *интерпретация*, более или менее полная и точная, в зависимости от целей интерпретатора и инструментов, имеющихся в его распоряжении. Во-первых, это историческая биография (или автобиография), во-вторых, исторический роман, в-третьих (в самом редком

случае), – это создание и распространение фольклорного мифологического образа.

В случае с биографией речь идёт, как правило, о формировании официального коллективного правосознания. Интерпретация и трансляция образа осуществляется в рамках, установленных пределами официальной культуры, в которой персонаж приобретает положительные или отрицательные черты, становится моделью и тем самым типизируется на первом, самом общем, уровне. Автобиография обычно служит тем же целям и – осознанно или нет – строится по тем же принципам. Это «очеловеченная» история, лишённая своей видимой беспристрастности, которая в действительности невозможна, поскольку её авторы существуют в определённом политико-правовом контексте. С необходимостью описываемым персонажам придаются типические черты, которые отражают понимание о добре и зле данного общества в конкретную эпоху и в конкретной ситуации, даже если автор старается оставаться предельно объективным.

Любой «исторический роман предполагает интерпретацию реальных фактов при помощи художественного вымысла» [9. С. 202]. Это означает вторичный процесс типизации, придание персонажу характерных черт поколения, социальной группы и т.п. «Отражая ход исторического процесса, писатель не только создаёт картину прошлого, но и неизбежно выстраивает философскую концепцию истории» [9. С. 201]. Автор романа выстраивает композицию на основе столкновения «хорошего» и «плохого», следовательно, герой попадает в одну из категорий. Писатель усиливает положительные или отрицательные стороны, додумывает причины поступков персонажа в соответствии с выбранной схемой. Иногда автор отписывает реальное поведение (слова, поступки) в рамках определённой парадигмы, например, современного автору контекста.

Крайней степенью типизации можно назвать архетипизацию, то есть создание «универсальных прообразов в поведении и мышлении, являющихся системой уста-

новок и реакций, определяющих жизнь человека незаметно для него самого» [3. С. 1355]. По форме они будут отдалённо напоминать исторических персонажей, носить их имя, но в содержании реальных черт биографии уже не останется, кроме самых схематичных, по которым их можно было бы определить. В этом случае в качестве формы используется сложившийся в коллективном сознании архетип, который существует с незапамятных времён. Когда складывается литература, писатели используют имеющиеся парадигмы, в которые помещают современного им персонажа. Если к тому же он стал фольклорным героем, как это произошло с Франсиско де Кеведо, то мы можем наблюдать интересную картину: ядро остаётся неизменным (архетип), а облик может варьироваться и рядиться в те или иные одежды. То есть мы получим персонажа, который идентифицируется с реальным историческим лицом, но на самом деле это только форма. От реального человека остаётся только имя, иногда – некоторые типичные черты внешности, но его поведение, слова уже не соответствуют действительности: он полностью вписан в миф, стал его частью.

Такой мифологический образ, будучи одним из компонентов сознания, определяет и отношение общества к праву, закону, добродетели, государству, долгу, преступлениям и преступникам, то есть является неотъемлемым элементом правового сознания, как правило, обыденного.

Франсиско де Кеведо. Конструирование образа. Загадка Франсиско де Кеведо состоит в том, что реальный исторический персонаж превратился в фольклорного героя, или стал архетипом испанской культуры. О нём складываются истории, ему приписываются шутки, как правило, довольно пикантные, и его истинное лицо практически неразлично. «Вокруг сложной индивидуальности Франсиско де Кеведо легенда создала занавес, который скрыл его истинную личность от потомков» [14. Р. 171]. Один из американских исследователей его творчества пытается перечислить хотя бы часть противоречивых характеристик: аристократ, старый

христианин, кавалер ордена Сантьяго, доверенное лицо герцога Осунского, член высоких дипломатических миссий, ранний гуманист, один из самых плодовитых испаноязычных писателей, работающий в самых разнообразных жанрах (плутовская литература, аллегорико-поэтическая, трактаты о политике и истории, поэзия разных жанров от скабрёзно-шутливой до эпической и любовной), философ-неостойк, порнограф, реакционер, изобретатель новых литературных форм, яростный антисемит, подхалим и ненавистник Оливареса, всегда противоречивый и всегда целостный и идентичный самому себе [14. Р. 3]. «Каждая маска одновременно скрывает и выявляет какой-то аспект его Я» [15. Р. 15], как отметил французский исследователь.

Уже в 1635 г. первый образ Кеведо (1580–1645) появился в критической малоизвестной драматической работе Хуана де Хаурегги. Автор явно не одобряет ключую иронию Кеведо, которая, по мнению многих, была рассчитана на смех простецов. Но именно эти качества позволили ему стать народным персонажем. В XIX в. появились, как минимум, девять драматических произведений, героем которых выступал Франсиско де Кеведо [14. Р. 171]. В XX в. наиболее значимые, но не единственные произведения, где он появляется в качестве персонажа: «Кавалер золотых шпор» А. Касоны и цикл А. Переса-Реверте о капитане Алатристе.

В процессе конструирования образа можно выделить два основных направления: во-первых, создание литературного персонажа, во-вторых, народного героя. Первый носил романтический характер, а второй был довольно вульгарным. В первом случае Кеведо выступает как рыцарь без страха и упрёка, антагонист королевского фаворита Оливареса, а также тайный возлюбленный инфанты Маргариты. Второй герой – «сумасбродный драчун и фанфарон» [14. Р. 172], пьяница и забияка, оскорбитель, дуэлянт, развратник, однако справедливый, обаятельный и безрассудно смелый: «дон Франсиско Кеведо, забулдыга и задира, поэт и рыцарь ордена Сантьяго, подслеповатый волокита, был

остер на язык, тяжел на руку, стихи его были изрядны, а неурядицы – бесчисленны» [10]. Оба образа отражали стремление найти идеального героя, который был бы *своим* для разных социальных групп. Удивительно, что Франсиско де Кеведо смог стать таковым как в рамках официальной, так и в рамках маргинальной правовых культур.

Архетипизация образа Франсиско де Кеведо в испанском правосознании: Поэт и Плут. Литературный и фольклорный Франсиско де Кеведо – одно из воплощений архетипа Поэта и Плута, находящегося в трагическом противоборстве со смертью. Архетипизация – это больше, чем наделение реального человека вымышленными чертами и представление в качестве назидательного примера для воспитания общества. Для испанцев характерным примером мифотворения является художник Франсиско Гойя. Так об этом написал Хосе Ортега-и-Гассет: «... мифологическое мышление отличается тем, что оно меняет местами явление, которое нужно объяснить, и его воплощение. Поэтому биографы просто путают Гойю с персонажами его картин, портретов, рисунков; жизнь художника оказывается дубликатом его творений, а когда это совсем уж невозможно, ибо на картине женщина, решают, долго не думая, что она – его возлюбленная» [8. С. 591]. Одним из любимых мифов о Гойе является миф о его тайной страстной любви с герцогиней Альбой, который показывает нежелание испанцев признавать существование сословных перегородок. Кеведо нельзя сравнить и с образом Сервантеса, который стал «формулой-брендом» [12] или «симулякром», «чьё реальное существование воспринимается лишь как форма, которую можно наполнить любым содержанием» [12. С. 155], но не архетипом.

Архетипизацию Кеведо можно подтвердить серией исторических анекдотов. Как заметил Франсиско Айяла, в этом образе есть своя историческая правда, которая имеет основу в его сатирических и комических (*шутовских*) произведениях: «феномен деформации, связанный, помимо прочего, с реальным аспектом его ли-

тературного труда» [14. Р. 171]. «В десятках печатных памфлетов, тайных доносов в инквизицию, в проповедях церковников Кеведо провозглашали «мастером заблуждений, доктором бесстыдства, лицензиатом шутовства, бакалавром гнусностей, профессором пороков и протодьяволом среди человеков» [11]. Простой народ с удовольствием приписывал ему различные забавные диалоги с представителями высшей знати, вплоть до членов королевской семьи, где он попросту оставлял их в дураках, но так изящно, что упрекнуть или обвинить его было просто невозможно. Современные испанцы, кстати, с удовольствием повторяют эти анекдоты. Например, наиболее популярная история [7. С. 186–187] о том, как Кеведо поспорил со своими друзьями, что он сможет открыто произнести перед королевой неприятную правду. Поэт использовал мастерскую игру слов, предложив королеве на выбор розу или гвоздику в качестве подарка, свидетельствующего о его почтении, произнеся следующую фразу: «*Entre el clavel blanco y la rosa roja, su majestad escoja*». Эта фраза имеет двойное значение. Прямой её смысл таков: «Между белой гвоздикой и красной розой пусть сделает выбор её Величество». Но последнее слово, разделённое на две части как «*es coja*» придаёт фразе совершенно иной смысл: «Между белой гвоздикой и красной розой королева хромая». Более того, в разговорной лексике это определение может быть интерпретировано не просто как указывающее на физический недостаток, но как ещё более грубое, имеющее сексуальный подтекст (что-то типа просторечного «*гулящая*»). Высказанное таким образом оскорбление не было понято в его двусмысленности. Ясно, что Кеведо не имел никаких претензий лично к королеве и не желал оскорбить её как женщину, тем более что сам он страдал хромотой. Здесь проявляется его качество, любимое испанцами (черта испанского обыденного правосознания): уметь и не бояться высказать в глаза представителям власти всё, что о них думает простой народ (данный эпитет вполне отражает народное отношение к власти вообще), причём сделать это изящ-

но через поэтический образ. Этот эпизод чётко отражает основные тенденции испанского обыденного коллективного правосознания.

Вторая наиболее известная история связана с его встречей с королём, где последний, желая проверить, правду ли говорят об остром уме Кеведо, предложил ему тут же сымпровизировать какое-нибудь стихотворение. Поэт попросил короля «*que le diese pie*», что означало просьбу подсказать («дать») ему основу, тему. Но слово «*pie*» также имеет значение «ступня». Король, поняв поэта буквально, поднял ногу, на что Кеведо тут же выдал четверостишие, смысл которого заключался в том, что сеньор король, встав в такую позу, даёт мне понять, что мы играем в лошадь и кузнеца (*En esta postura/ dais a entender, señor, /que vos sois la cabalgadura/ у yo el herrador*).

Выводы. В этих историях в образе Франсиско де Кеведо видится воплощение одной из наиболее популярных архетипичных фигур европейского средневековья – фигура Шута (Плута). Одной из его функций было преодоление отчуждения народа от государства и Церкви, которая «в течение веков не только не оправдала ожидания, но и послужила сдерживающим фактором» [5. С. 111] (Церковь можно понимать как политический институт). «По праву «безумца» он получает возможность антисоциального, свободного от условностей поведения и высказывания мыслей и суждений, противоречащих общепринятой морали» [2. С. 187]. Этот аспект воплощается в образе Франсиско де Кеведо, который становится носителем правды народа, противопоставленной официальной государственной и церковной власти. Кеведо признаётся одним из самых «политических писателей» [13. Р. 17], несмотря на то, что многие испанские авторы отмечали неоригинальность и бессистемность политических текстов писателя [17. С. 346], которые с лихвой возмещались блестящим стилем, а также величием его натуры.

Все указанные характеристики персонажа Кеведо, представляя собой элементы архетипа, являются неотъемлемым базис-

ным компонентом правового сознания испанцев. Изучая их, можно выделить идентификационный национальный миф, который позволяет анализировать государственные, правовые и политические структуры испанского общества. Можно выявить отношение испанцев к закону, суду, преступлению, наказанию, власти и другим государственно-правовым элементам, формирующим государственность, объяснить те или иные особенности государственно-правового развития Испании. Именно поэтому представляется важным изучать базисные идентификационные мифы испанского правового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров Д.С. Теоретико-методологические подходы исследования национального самосознания // Теория и практика общественного развития. 2013. № 10. С. 42–45.
2. Бакмансурова А.Б. Реализация концепта «дурак» в языке немецкого средневековья // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 2. С. 185–190.
3. Бенина Л.И. Коллективное бессознательное в массовой политической культуре // Вестник Башкирского университета. 2011. № 4. С. 1354–1360.
4. Голубева Л.А. Правовой идеализм в государственном управлении как путь к правовому нигилизму общества // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 39–42.
5. Калинина Е.Ю. Истоки авторитарного общественного правового сознания на примере Испании // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 4 (36). С. 109–111.
6. Калинина Е.Ю. Ментальность и правосознание // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. С. 27–32.
7. Калинина Е.Ю. Мифология средневекового правосознания: иррациональное в рациональном. М.: Юрлитинформ, 2014. 216 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Гойя // «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник.

М.: Радуга, 1991. 639 с.

9. *Перевезенцева А.Ю.* Специфика воплощения исторической личности в романах М. Рено // Вестник ННГУ. 2008. № 1. С. 201–205.

10. *Перес Реверте А.* Капитан Алатристе // Электронная библиотека: [сайт]. URL: http://www.loveread.ec/read_book.php?id=5267&p=3 (дата обращения 10.06.2016).

11. *Плавский З.И.* Франсиско де Кеведо – человек, мыслитель, художник // Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/literature3/plavskin-80.htm> (дата обращения 10.06.2016).

12. *Туманов Д.В.* Виртуализация образа А.С. Пушкина в традициях постмодерна // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. № 6. С. 153–161.

13. *Arellano Ayuso I.* El poder político y sus límites en la obra de Quevedo // La Perinola: Revista de investigación quevediana. 2008. № 12. P. 17–34.

14. *García Valdés C.C.* Con otra mirada: Quevedo personaje dramático // La Perinola: Revista de investigación quevediana. 2004. № 8. P. 171–186.

15. *Gendreau-Massaloux M.* Quevedo en sus héroes // Criticón. 1980. № 12. P. 15–24.

16. *Johnson C.B.* Quevedo in Context: Personality, Society, Ideology // Mester. 1980. T. 9. № 2. P. 3–16.

17. *Riandière La Roche J.* Entender y anotar los textos políticos de Quevedo: las exigencias de la Historia // La Perinola: Revista de investigación quevediana. 2000. № 4. P. 345–366.